13. Sapozhkov S. V. *Tvorcheskiy put' Konstantina Fofanova: mezhdru klassikoy i modernizmom*. Konstantin Fofanov. Stikhotvoreniya i poemu Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo doma, 2010. 592 p.
14. Slovar' arkhitekturnykh terminov. Available at: <http://www.regent-decor.ru/lib/glossary/k/porch.html>.
15. *Tolkovyy slovar' Ozhegova / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova*. Moscow, 1949–1992.
16. *Tolkovyy slovar' Ushakova*. D.N. Ushakov. Moscow, 1935–1940.
17. Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst. Tekst: semantika i struktura*. Moscow, Nauka, 1983, pp. 227–342.
18. *Tusyacha i odna noch'*. Moskva, GIKHL, 1958–1975, Available at: <http://www.03www.ru/1001/1001-284.htm>.
19. Sheina T. V., Rummyantseva A. Ye., Lun'kova M. V. *Pozolota v arkhitekture // Vestnik SGASU. Gradostroitel'stvo i arkhitektura*, 2012, № 2, pp. 44–52.
20. *Entsiklopedicheskiy Slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Yefrona* : in 86 vol. Available at: <http://www.vehi.net/brokgauz/>.

МОТИВЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ И СЧАСТЬЯ В ЛИРИКЕ РЮРИКА ИВНЕВА

Исаев Геннадий Горигорьевич, доктор филологических наук, профессор-консультант кафедры литературы, Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

Служение людям своей поэзией, борьба с обывательскими представлениями о жизни и искусстве, разрушение заурядности, духовный прорыв в запредельное, восхождение – это генеральная линия жизни Рюрика Ивнева. Общество и семья ещё в юности задали ему определённую систему высших ценностей, способных придать его творческой деятельности смысл. Лирический герой поздней лирики Рюрика Ивнева – человек с широким кругом интересов, приносящий в свой труд элементы творчества. Поэтому он чаще всего чувствует себя счастливым, ибо творческий труд способен приносить не только элементы удовлетворения, но и ощущение полноты бытия. Стихам Рюрика Ивнева 1950–1970-х годов свойственна особая чистота и доброта, они пробуждают в душе лучшие чувства. Счастье в поэзии Рюрика Ивнева заключается в полноте удовлетворённости жизнью на протяжении жизненного пути, в единстве разных сторон жизни.

Ключевые слова: Рюрик Ивнев, смысл жизни, счастье, система высших ценностей, трансцендентные ценности, моральные ценности

TUNES OF MEANING OF LIFE AND HAPPINESS IN THE LYRICS OF RYURIK IVNEV

Isaev Gennady G., Doctor of Philological Sciences, Consulting Professor of the Chair of Literature, Astrakhan State University, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

The principal line of Rurik Ivnev's life is represented by his poetry serving the people, struggle against commonplace understanding of life and art, eradication of mediocrity, spiritual breakthrough into what lying beyond the bound and ascension. As early as to his youth, under the influence of his family and society, Rurik Ivnev formed his specific system of supreme values filling his creation with sense. A person of many interests who completes what he does with creative elements embodies the Persona of Rurik Ivnev's late lyrics. Therefore, this person is usually happy since creation not only brings satisfaction but also fills existence with sense. Rurik Ivnev's poetry of the 1950-1970s is characterized by special purity and kindness.

This poetry evokes best feelings in the soul. In his poetry, Ryurik Ivnev understands happiness as absolute satisfaction with life during its course and unity of various aspects of life.

Keywords: Ryurik Ivnev, meaning of life, happiness, system of supreme values, transcendental values, moral values

Понятие смысла жизни тесно сопряжено у Рюрика Ивнева с понятием счастья, которое возможно только тогда, когда лирический герой чувствует свою жизнь осмысленной и наполненной важными делами и проектами. Обладание смыслом жизни придаёт ему уверенность в собственных силах, помогает уяснить значимость его жизни, придать ей ясность и целеустремлённость. Это было заявлено поэтом ещё в лирике предреволюционных лет. В одном из стихотворений 1913 года он писал о предназначении поэта:

*Под свист, улюлюканье, адский хохот
Белоснежных зубов и ртов озорных
Пой, не боясь прослыть скоморохом,
О самых первых чувствах своих.*

*Пой о щенках с перебитыми лапами,
О любви, поруганной когортой самцов,
О покинутых девушках, любящих свято,
О младенцах, оторванных от грудных сосцов.*

*Пой о простых слезах человеческих,
О судорогах тоски вековой.
Пой о четырёхжды изувеченных,
О лежащих на каменной мостовой.*

*И чем горячее будет песня эта,
Тем холоднее её примет мир.
И первыми тебя осмеют поэты,
Превратив твою горькую песню в тир [1, с. 154].*

Однако отношения смысла жизни и счастья не симметричны. Если счастье невозможно без смысла жизни, то смысл вполне может присутствовать в жизни человека, поддерживая и направляя его при самых неблагоприятных поворотах судьбы. Поэтому можно сказать, что смысл жизни в определённом отношении гораздо фундаментальнее счастья, он существует и без него.

*На чужой и холодный зал
Сердце больше не ропщет,
Не ищущи ни наград, ни похвал,
Ни признаний всеобщих.*

*Пусть даже сто лет спустя
Будут все равнодушны,
И страницы мои, шелестя,
Опадут в библиотеке душной.*

*Я хочу, чтобы вместо венков,
Учёных критиков гула
Чья-нибудь грудь от моих стихов,
Как от ветра в поле вздохнула...*

*Чтобы кто-нибудь, задыхаясь, без сил,
Сжимая маленький томик:
«Боже мой, как он любил!» –
Вскричал в смертельной истоме [1, с. 58].*

Служение людям своей поэзией, борьба с обывательскими представлениями о жизни и искусстве, разрушение заурядности, духовный прорыв в запредельное, восхождение – это генеральная линия жизни Рюрика Ивнева. Общество и семья ещё в юности задали ему определённую систему высших ценностей, способных придать его деятельности смысл.

Это трансцендентные ценности: представление о Боге, об абсолютных принципах, лежащих в основе мира и задающих систему моральных абсолютов. Ощущение Бога постоянно присутствует в сознании лирического героя, к нему он обращается в самые сложные моменты своей жизни. Особенно это характерно в начале творческого пути, когда не было даже намека на сомнения в существование Всевышнего. В «Самосожжении» он пишет:

*Мы знаем наши ошибки,
Господь простит их нам,
Когда в небе, как волны, зыбкий,
Зажжется звездный храм [2, с. 4].*

*Тебе, Создатель, я молюсь,
Молюсь, как раб, немой, покорный,
Сегодня я – как тать тлетворный,
Но завтра я преобразусь.*

*Тебе, Создатель, я молюсь,
Молюсь! Дрожит и ноет тело,
Молитва новая созрела,
И я, как Ангел, вознесусь.*

*Сгорит ненужный пепел – тело,
Но дух над миром воспарит.
Пусть плоть и кровь в огне горят:
Душа моя заголубела [2, с. 6].*

Но в поздний период творчества его отношение к Богу временами бывает амбивалентным:

*И, бога ненавидя и любя,
Как прокаженный от своей проказы,
Я убежал от самого себя [1, с. 57].*

В другом стихотворении выражается мысль, что Бог не мог создать мира, полного страданий:

*Кружится холодная планета.
Тот, кому мы дали имя бог,
Выдумать не мог такого света,
Выдумать такой тоски не мог [1, с. 56].*

Звучит упрек в адрес Бога, который дал лирическому герою «в этой страшной тьме» «язык и чувства человека»:

*Смотрю на мир, плывущий в тишине,
Тяжелыми, опухшими глазами.
Всю тяжесть ту, что сердце давит мне,
Не выскажешь ни кровью, ни слезами.*

*Я чувствую, как беглый раб в тюрьме,
Дыханье коченеющего века...
Зачем, зачем Ты в этой страшной тьме
Дал мне язык и чувства человека? [1, с. 63].*

В стихотворении «Байрону» лирический герой в качестве своего идеала объявляет бунтарство, разрушение «окаменелых» законов общества, его идеал – великий поэт-романтик:

*Хотел бы я быть для родной России
Таким, как ты был для страны своей.
С тобою жить в те годы роковые
В изгнании, среди чужих людей.*

*Окаменелые законы руша,
С традиций чопорных сорвать печать.
Смотреть в глаза, биенье сердца слушать
И руки тёплые в своих руках сжимать [1, с. 74].*

В стихотворении «У окна вагона» (1916) лирический герой предельно откровенно декларирует свои общественные взгляды:

*Я рвусь к забытым и забитым,
Отверженным, осиротелым,
К живущим иль давно убитым
И до которых людям сытым
И именитым нету дела...*

*Ищу тепла я в скорбных взглядах,
Тепла, которого не сыщешь
У сытых, праздных и нарядных.
Тепла забытых и забитых.
Тепла живого душ открытых,
Всех обездоленных и нищих [1, с. 158].*

Ценности общества и культуры напрямую определяют смысл жизни лирического героя. Имеются в виду политические идеалы, которые менялись в зависимости от хода истории, государство, его история, этнонациональные ценности (традиция, язык, искусство и культура, сохранение самобытности и индивидуального мира народа) и т.д. До революции 1917 года сознание лирического героя было пронизано оппозиционными, антимоноархическими идеалами. После революции его настроение коренным образом меняется. Он разделяет многие идеалы большевиков и демонстративно начинает с ними сотрудничать. В 1920-е годы усиливаются идеи патриотизма. Под впечатлением путешествия по Европе, например, поэт писал:

*И я увидел всё, что надо.
Даже сквозь осенний туман.
И моей душе теперь прохлада
Новых море и стран.*

*Но вот – вспоминаю всё, что было,
И нет ничего милей
Простого яичного русского мыла
И запаха русских полей [1, с. 160].*

В стихотворении «Россия» (1954) звучит:

*Пусть порой тобой я недоволен,
Пусть порой я на тебя сержусь,
Но до слёз, до самой острой боли
Я тебя люблю, родная Русь [1, с. 654].*

Огромное значение в определении смысла жизни лирического героя играют ценности личной жизни, протекающей в мире повседневности. Это, прежде всего, любовь к женщине, здоровье и долгая жизнь, мудрое отношение к перипетиям судьбы, деятельность в сфере литературы и успех в ней, достижение социального статуса, добрые отношения с окружающим миром и т.д.

Есть одна сила, перед которой не могут устоять абсолютные моральные ценности общества. Эта сила – любовь к женщине:

*Откуда же, откуда эта сила,
Из недр каких ко мне она пришла
И для чего в душе моей разбила
Скрижали древние добра и зла? [1, с. 93].*

Эти идеи часто играют в жизни лирического героя роль ведущих смыслов, которые выступают в качестве единых ценностей и в смысловом отношении объединяют его с другими людьми. В иерархизированном обществе, в котором он формировался, ведущие смыслы были предписаны и строго заданы. Герой усваивал их с детства, переживает как свои, и у него не возникает сомнения по поводу того, надо ли жить, трудиться и стараться во имя Господа или Родины, нации, семьи, т.е. во имя того, что и другие считают важным и значимым.

Смыслы, задаваемые обществом через ценности, – это ещё не вся полнота смысла. Для героя эти ценности должны приобрести личностный смысл. Он интерпретирует общественный смысл, принимает его или не принимает. Личностный смысл – это результат интериоризации, внутреннего освоения ценностей, которые сопровождаются положительным эмоциональным переживанием. В стихотворении «Судьба» (1971) читаем:

*Ты также восходишь, сверкая лучами,
Сегодня в разгаре московской зимы,
Как в давнее время на Волге и Каме,
Где летом подростками плавали мы.*

*Потом – океаны, моря и заливы,
Японская осень и древний Тифлис...
Они то слезой, то улыбкой счастливой
В одну неразрывную повесть сплелись.*

*Кто может проникнуть в глубокую тайну
Былых перепутий, тревог и дорог,
Что шло от судьбы, что рождалось случайно,
Что с детства я знал, что предвидеть не мог!*

*И вот, улыбаясь, спокойно и просто,
То вверх поднимаясь, то падая вниз,
Смотрю, как все тверже становится поступь
Страны, о которой я думал всю жизнь [1, с. 470].*

Поскольку смысл жизни всегда носит личностный характер, то, может быть, вполне справедливо утверждение: сколько людей, столько и смыслов жизни. Однако это многообразие может быть сведено к нескольким обобщающим тенденциям. Выделяют эгоистическую и альтруистическую концепции смысла жизни.

Названные позиции хотя и встречаются в жизни нередко, но всё же представляют собой крайности, которых избегает лирический герой Рюрика Ивнева. В реальной жизни он старается держаться «золотой середины»,

формулируя для себя смысл жизни с ориентацией на личное благополучие, но это благополучие связывается с благополучием других: близких, родных, соотечественников. Вероятно, одна из самых распространённых версий смысла жизни состоит в служении семье. Семья рассматривается как главная ценность в жизни: сохранение и укрепление семьи, благополучие семьи, оказание помощи всем членам семьи является смыслом жизни героя. В кругу семьи ему дана возможность обрести признательность, благодарную память о себе. Поэтому столь лирически пронзительны стихи, посвящённые матери:

*Я в тоске зову тебя и знаю,
Что напрасно я тебя зову.
И не видя, вижу я, родная,
Насыпь небольшую и траву.*

*Как сквозь сон, я вижу город южный
И его морские берега,
Может быть, другим и знать не нужно,
Как ты мне поныне дорога.*

*Боль моя – пусть только капля в море,
Но ведь в этой капельке одной –
Всех сердец осиротевших горе
И начало тяжести земной [1, с. 250].*

Счастье – понятие морального сознания, обозначающее такое состояние сознания героя Рюрика Ивнева, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего предназначения. Счастье является чувственно-эмоциональной формой идеала, означает исполнение устремлений личности. Есть у Рюрика Ивнева стихотворение, которое так и называется – «Счастье» (1961):

*Ищут счастья все без исключения
Наяву, во сне или в бреду,
Ищут все звезду свою вечернюю,
Хоть взошла б она в самом аду.*

*Но от счастья не видать ни искорки,
Как ни мчись к нему на вороних.
Кажется, что счастье – это вымысел,
Кажется, что счастья нет в живых.*

*Но взгляни вокруг себя внимательно –
И тогда ты, может быть, поймёшь,
Что приходит счастье обязательно
Лишь туда, где умирает ложь [1, с. 238].*

Счастье в поэзии Рюрика Ивнева заключается в полноте удовлетворённости жизнью на протяжении жизненного пути, в единстве её разных сторон:

*Не надо ни имён, ни хронологий,
Ни сожалений, ни надежд пустых.
Вся жизнь твоя – в сегодняшнем итоге,
В сегодняшних волнениях твоих.*

*Не в этом ли единственное счастье,
Чтоб всё забыть и помнить только то,
Что ты – частица первобытной страсти
И древа жизни трепетный листок?.. [1, с. 174].*

Счастье всегда радостно. Радость и счастье как душевные состояния психологически очень близки. Великолепно ощущение радости и счастья от пребывания на Кавказе передано, например, в стихотворении «В южной Осетии»:

*Эти горы и долины,
Где герои-исполины
Уничтожили врага,
Эти снежные вершины,
Древней крепости руины
И альпийские луга.*

*Этот блеск листвы зелёной,
Южным солнцем опалённой,
Этот свежий воздух гор –
Всё впивает восхищённый,
Снова юный и влюблённый
Мой неукротимый взор.*

*И под пенье волн Лиахвы,
Без волнения и страха,
Засыпаю сладко я.
Будь великой и богатой,
Колыбель бессмертных нартов,
Осетинская земля [1, с. 175].*

Иногда говорят, что радость связана с переживанием единичного события благоприятного самовыражения индивида, а счастье – длительное переживание радости. Однако счастье – это не просто эмоционально более насыщенная и растянутая во времени радость. В радости обнаруживает себя ощущение полноты жизни; радость преодолевает себя в восторге. В счастье же обнаруживает себя сознание достоинства жизни. Радость эмоциональна – счастье может быть и сдержанным как выражение любви, добра и сострадания:

*Надо мною полыхает пламя,
А на Каспий снизошел Борей.
Я хочу дотронуться руками
До висящих в небе фонарей.*

*Я хочу бежать за колесницей
Золотых, неутомимых звезд.
Я хочу лесным цветам присниться,
К древним сказкам перекинуть мост.*

*Чтобы силу сказочных поверий
С силой наших дней переплести,
Чтобы жить, любить страну, и верить,
И к вершинам солнечным идти [1, с. 130].*

В поздней лирике Рюрика Ивнева как бы утрачивается ощущение реального счастья, «все видится сквозь дальний сон»:

*Уже ничто меня не радует, –
Ни восхитительные дни,
Ни обольстительная радуга,
Ни то, что мы с тобой одни.*

*Нет ощущения реального,
Все видится сквозь дальний сон. –
И лёгкий шорох платья бального
Доисторических времён.*

*И счастье самое огромное,
Которому названья нет,
Теперь лежит почти бескровное
На кубиках прошедших лет [1, с. 681].*

В другом стихотворении звучит тот же мотив:

*Ты будешь думать, что исчезло время
И всё, что было прежде – только сон,
Что ты, как солнце, высишься над всеми
Лишь потому, что ты заморожен [1, с. 680].*

Лирический герой на склоне лет замечает, что счастье, как здоровье. Когда оно налицо, его не замечаешь, но когда проходят годы, как оно вспоминается о, как вспоминается!

*Как память о чем-то давно миновавшем
И накрепко всеми забытом давно,
Храню я письмо полустертное Ваше,
Погибнуть которому не суждено.*

*Пусть Вы отреклись без церковного звона
От первой своей настоящей любви,
Но я умираю таким же влюбленным,
Целуя по-прежнему руки твои.*

*От нежного «ты» отойти не смогу я,
И кажется мне, что с собой унесу
Все прошлое наше я в сферу другую
И души мятежные наши спасу [1, с. 678].*

Характерно стихотворение «Разлука» (1980):

*Как ни больно, как ни странно,
Но и нам пришлось расстаться,
Вспоминаю запах пряный
Олеандров и акаций.*

*Это все, что мне осталось
От невысказанного счастья,
Лишь душевная усталость
Разрывает грудь на части.*

*Но приходит утешенье
Вслед за призрачной печалью,
В поступательном движенье
Ты сольешься с синей далью.*

*От тебя в веках остывших
След останется незримый,
Но для истинно любивших
Навсегда неизгладимый [1, с. 702].*

На первый план в понимании счастья часто выходят разные блага. Они всегда включают элементы здоровья и внешней привлекательности, материальной обеспеченности, социального статуса, личных отношений и индивидуального развития. В этом счастье в отличие от простой удовлетворённости предполагает обладание этими благами как бы выше среднего уровня. Счастье означает превосходную степень, поэтому как о счастливых поэт говорит о людях: здоровых, крепких, красивых, живущих долгую жизнь, а с ней и повышенную свободу действий, обладающих достаточно высоким социальным статусом и соответствующим уважением сограждан и соплеменников: приобретших исключительно гармоничную любовь и дружбу, максимально выражающих себя в труде и творчестве:

*Я шёл, как все, с невыносимой ношею –
Не ожидая милости судьбы, –
Творил, как все, плохое и хорошее,
Как все, был грешен и безгрешен был.*

*И всё-таки, счастливый и несчастный,
Влюблённый в жизнь во всей её красе,
Себя я осуждаю ежечасно
За то, что я такой же, как и все [1, с. 243].*

Счастье – хоть и очень желанное состояние, но достаточно редкое. Для его осуществления необходимо благоприятное сочетание объективных и субъективных факторов. Эти факторы не гарантируют наступления счастья, но они, по крайней мере, в определённой степени ему благоприятствуют. О «вечной тайне» неуловимого счастья Рюрик Ивнев написал в стихотворении «Где ты, счастье?»:

*Где ты, счастье, милое, живое,
Тёплое и нежное такое,
Как брюшко весёлого щенка?*

*Вот, мелькнув, оно щеки коснулось,
Вот во сне внезапно улыбнулось,
Вот глядит уже издалека.*

*Вот вернулось, тихо скрипнув ставней,
И, напомнив об улыбке давней,
Светом дня наполнило меня.*

*Вот ушло, чтоб больше не вернуться,
Чтобы горем мог я захлебнуться
Черной ночью и при свете дня.*

*Вот внезапно, позабыв угрозы,
Вновь вернулось. Я смеюсь сквозь слёзы,
Я ловлю края его одежд.*

*И в порыве радости бескрайней
С склоняюсь перед вечной тайной
Никогда не меркнувших надежд [1, с. 256].*

К объективным факторам следует отнести, прежде всего, естественные условия (климат, географическое положение, отсутствие природных катаклизмов и др.), состояние общества (мир или война, наличие элементарного порядка, справедливости и др.). Если в стране произошло стихийное

бедствие, опасная эпидемия, гражданская война и др., то в подобной ситуации весьма сложно быть счастливым в полной мере, когда рядом льётся кровь, страдают люди. Такое состояние сознания лирического героя отражено, например, в книге стихов Рюрика Ивнева периода гражданской войны «Солнце во гробе».

К субъективным факторам можно отнести мирозерцание Рюрика Ивнева, его убеждения, круг интересов и т.д. Мирозерцание связано с позитивной или негативной оценкой мира в целом и собственной жизни, в частности. В зрелой поэзии Рюрика Ивнева преобладает позитивная, радостная, оптимистическая оценка мироздания. Она позволяет поэту чувствовать себя бытийно-счастливым и уверенным даже при больших объективных трудностях. Он придерживается христианского представления о смысле жизни. В соответствии с ним смысл жизни Рюрик Ивнев видит в любви к Богу и к ближнему:

*Как рассказать, где это было,
Как вспомнить то, что миновало:
Венецианских дождей виллы
И обгорелые вокзалы.*

*И твой шалаш, твои палатки,
Твои беспечные мансарды,
Диван потёртый, столик шаткий,
И терпкий запах олеандров.*

*Быть может, царские хоромы
Не ведали такого счастья,
Как ты, забытый и бездомный,
В часы тревоги и ненастья.*

*Пусть сны твои переплетались
С хронологической былью,
И мысли, что тебе внушали,
Покрылись толстым слоем пыли.*

*Не раз испытанную радость
И муки омрачить не могут.
И ты идешь с любовью рядом,
Хоть потерял уже дорогу [1, с. 255].*

Счастливым лирическим герой Рюрика Ивнева в приподнятом настроении отличается энергичностью, жизнелюбием и дружелюбным отношением к окружающим. Для него также характерны живой интерес к полноте и богатству окружающего мира и чувство собственной включённости в происходящее, активного участия в нём. Герой счастливого типа более уверен в себе, оптимистичен и успешен. Его взаимодействие с людьми более тесное и взаимовыгодное. Он оказался последовательным, целенаправленным и результативным в работе. Ему знакомо чувство собственной значимости. Он владеет навыками и умениями, необходимыми для достижения поставленных целей, и получает удовлетворение от самого этого процесса.

Минорное, страдательное, пессимистическое отношение к реальности было характерно для ранней поэзии Рюрика Ивнева (сборники «Самосожжение», «Золото смерти»), что делало лирического героя глубоко несчастным. Эмоции печали, горя, вины, отвращения и презрения к себе в значительной степени определяли характер его межличностных отношений, он обнаруживает тенденцию к самоизоляции. Работа кажется ему обременительной и не доставляет удовольствия, а неудачи приводили к самобичеванию, снижали

эффективность его деятельности. В силу низкого уровня самоидентичности и слабой личностной интеграции он был плохо приспособлен к встрече с трудностями повседневной жизни, преодоление которых определяет процесс личностного роста:

*Я – раб, незнающий и жалкий,
Я – тела бледного комок.
Удар приму от злобной палки,
Дрожа от головы до ног.*

*Пусть будут яростны удары,
Пусть тело бьется, как змея.
Достоин мук, достоин кары,
Достоин слез и крови я.*

*Одно лишь слово понимаю,
Одну молитву лишь творю:
«Сгореть», но сердцем не сгораю,
А только медленно горю.*

*Вижу желтые искры и плачу,
Далеко, далеко до конца,
И не скоро ещё обозначу
Душу светлым сияньем венца.*

*Буду искры и море немое
Золотого, святого дождя,
А в груди это сердце пустое
Затихает. Безмолвствую я.*

*И зову. И прошу окончанья.
Путь, как нить телеграфная, строг,
И лежу, затаивши дыханье,
У Твоих осязаемых ног [2, с. 21].*

Лирический герой поздней лирики Рюрика Ивнева – человек с широким кругом интересов, привносящий в свою деятельность, в свой труд элементы творчества. Поэтому он чаще всего чувствует себя счастливым, ибо творческий труд способен привносить не только элементы удовлетворения, но и ощущение полноты бытия. Стихам Рюрика Ивнева 1950–1970-х годов свойственны особая чистота и доброта, они пробуждают в душе лучшие чувства:

*И вот среди бури и тревоги
Я различить едва успел
Конец пленительной дороги,
Конец неугомонных дел.*

*Две цифры: восемь, ноль – тревожно
Маячат за моей спиной.
Но говорить и с ними можно
О жизни и земле родной [1, с. 473].*

Подводя итог рассмотрению понятиям смысла жизни и счастья у Рюрика Ивнева, можно сделать вывод, что в самом общем виде этими понятиями он обозначает наиболее полное воплощение человеческого предназначения в индивидуальной судьбе. Счастливой именуется жизнь лирического героя, состоявшаяся во всей полноте желаний и возможностей. Это удавшаяся жизнь, гармоничное сочетание всех её проявлений, включая и обладание социально-ценными благами, и везение в делах и встречах с людьми.

Список литературы

1. Рюрик Ивнев. Избранное. Стихотворения и поэмы. 1907–1981 / Рюрик Ивнев. – М. : Художественная литература, 1985.
2. Рюрик Ивнев. Самосожжение. Книга стихов. 1912–1916 гг. / Рюрик Ивнев. – Петроград : Фелана, 1917.

References

1. Ryurik Ivnev. Izbrannoe. Stihotvoreniya i poemy. 1907–1981. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1985.
2. Ryurik Ivnev. Samosozhzhenie. Kniga stihov. 1912–1916 gg. Petrograd: Felana, 1917.

ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТОВ ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Озерова Елена Григорьевна, доктор филологических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, e-mail: ozerova@bsu.edu.ru.

Статья посвящена рассмотрению духовных ценностей как чувственного потенциала лирической прозы. Функционирование лирикопрозаических текстов обусловлено православными традициями народа и художественным мировосприятием автора. Авторский замысел раскрывается через лирическую дисперсию, под которой понимается синтез вариативных смысловых номинаций и выразительных ресурсов текста. Духовные ценности текстов русской лирической прозы репрезентируются в самобытной русской культуре и демонстрируют субъективные коды авторского сознания.

Ключевые слова: эготоп, духовная репрезентация, текст лирической прозы, авторское восприятие, лирическая дисперсия

VALUE POTENTIAL LYRIC PROSE TEXTS

Ozerova Elena G., Doctor of Philological Sciences, Belgorod State National Research University, 308007, Russia, Belgorod, 14 Studencheskaya str., e-mail: ozerova@bsu.edu.ru.

The article analyzes mental representations as the sensual potential of lyrical prose texts. The functioning of lyric texts is determined by the Orthodox traditions of the nation and authors' creative world perception. The author's idea is revealed through lyrical prose dispersion, which means the synthesis of variable semantic nominations and expressive text resources. Mental representations of the Russian lyrical prose texts are represented in the authentic Russian culture and demonstrate subjective codes of the author's consciousness.

Keywords: egotop, mental representations, text of lyrical prose, author's perception, lyrical dispersion

Жанр лирической прозы аккумулирует ценностно-культурные уровни национальных ресурсов в сопряжении с чувственным мировосприятием эготоп [7, с. 170]. Именно в лирикопрозаическом тексте панорамно выявляется ментальное сознание и индивидуальный потенциал автора текста. Данное взаимодействие способствует актуализации субъективного восприятия ценностно-культурной и мыслительной природы текста русской лирической прозы.

Специфика текстов лирической прозы охватывает духовные, чувственные и национально-культурные ресурсы архитектоники художественного авторского «Я». Концепты в тексте лирической прозы, как правило, репрезентируют